

RU

Прагматика вербализации феномена трикстерства в русскоязычном художественном дискурсе (на примере произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души»)

Сунь Сяоли, Кулькова М. А.

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении языковой репрезентации коммуникативных стратегий и тактик трикстера в речи Чичикова, главного героя произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души». В статье рассмотрены 166 реплик Чичикова, собранных из текста произведения, которые анализируются с точки зрения использования изобразительно-выразительных средств, эмоционально-оценочной лексики, типов предложений и прагматических стратегий и тактик. Научная новизна заключается в систематизированном изучении языковых средств и речевых стратегий трикстера на примере произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души». Новаторской представляется комплексная методика изучения языкового феномена трикстерства с помощью анализа лексических, синтаксических, стилистических средств, а также выявления прагматических характеристик речевого поведения, объективирующих образ трикстера в речи с опорой на статистические данные. В результате исследования показано, что Н. В. Гоголь посредством тщательно разработанных языковых характеристик создал образ Чичикова как классического трикстера. Установлены наиболее употребительные изобразительно-выразительные средства в репликах Чичикова (ирония, метафора, гипербола), усиливающие трикстерский образ; проанализирована частотность использования эмоционально-оценочной лексики; уточнено распределение эмоциональных оттенков в соответствии с определенной коммуникативной ситуацией; а также определены и описаны прагматические стратегии и тактики, реализуемые в речи главного героя повести: речевая стратегия прагматической неопределенности, тактика намека, тактика формализации в речи, тактика снижения определенности, использование хеджей, тактика «ложной скромности» и сохранения конфиденциальности.

EN

Pragmatics of verbalizing the phenomenon of tricksterism in Russian-language artistic discourse (based on N. V. Gogol's "Dead Souls")

Xiaoli Sun, M. A. Kulkova

Abstract. The aim of the research is to identify the linguistic representation of the communicative strategies and tactics of the trickster in the speech of Chichikov, the main character of N. V. Gogol's "Dead Souls." The article examines 166 remarks of Chichikov collected from the text of the work, which are analyzed from the point of view of the use of figurative language, emotionally evaluative vocabulary, types of sentences, and pragmatic strategies and tactics. The scientific novelty lies in the systematic study of the linguistic means and speech strategies of the trickster on the example of N. V. Gogol's "Dead Souls." The complex methodology for studying the linguistic phenomenon of tricksterism using the analysis of lexical, syntactic, stylistic means, as well as identifying the pragmatic characteristics of speech behavior that objectify the image of the trickster in speech based on statistical data, is innovative. As a result of the study, it is shown that N. V. Gogol, through carefully developed linguistic characteristics, created the image of Chichikov as a classic trickster. The most common figurative means in Chichikov's remarks (irony, metaphor, hyperbole), which enhance the trickster image, are established; the frequency of use of emotionally evaluative vocabulary is analyzed; the distribution of emotional shades is clarified in accordance with a specific communicative situation; and the pragmatic strategies and tactics implemented in the speech of the main character of the story are identified and described: the speech strategy of pragmatic uncertainty, the tactic of hinting, the tactic of formalization in speech, the tactic of reducing certainty, the use of hedges, the tactic of "false modesty" and maintaining confidentiality.

Введение

Актуальность настоящего исследования продиктована усилившимся научным интересом к вопросам изучения лингвистического феномена трикстерства в языковедческой литературе. Трикстер представляет универсальный архетипический образ, соединяющий черты культурного героя и провокатора. Актуальное проявление трикстерства в политике, медиапространстве, культуре и искусстве стимулирует проведение междисциплинарных исследований, направленных на детальное изучение языкового образа трикстера. Особую важность для современной лингвистики представляет описание и последующий анализ специфических языковых средств и речевых стратегий трикстерства, позволяющие определить его ключевые речевые приемы и манипулятивные тактики, находящие языковую объективацию в речи.

В настоящем исследовании были поставлены следующие задачи:

- провести анализ реплик Чичикова с точки зрения использования изобразительно-выразительных средств, эмоционально-оценочной лексики, вариативных типов предложений, объективирующих образ трикстера;
- уточнить распределение эмоциональных оттенков в речи трикстера в соответствии с определенной коммуникативной ситуацией;
- выявить и описать прагматические стратегии и тактики, реализуемые в речи главного героя повести.

Материалом для исследования послужила поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души». В ходе анализа данного художественного произведения было выявлено 166 реплик Чичикова, репрезентирующих языковую объективацию образа трикстера в речи главного героя по следующему источнику:

- Гоголь Н. В. Мертвые души: поэма. 2004. <https://ilibrary.ru/text/78/index.html>.

Теоретическую базу исследования составляют работы российских и зарубежных ученых в области лингвистики, лингвокультурологии, литературоведения, мифологии, культурологии, фольклора, антропологии (Васильев, 2021; Гаврилов, 2006; Ковтун, 2022; Кузнецов, 2021; Липовецкий, 2009; Серостанова, 2024; Чекулай, Кучмистый, Шустов и др., 2023; Шахова, 2022; Юнг, 1996; Hyde, 1998; Hynes, Doty, 1993).

Трикстер как архетипический образ получил значительное развитие в трудах К. Г. Юнга (1996), который указывал, что через язык трикстер демонстрирует свою уникальную двойственность и разрушительный потенциал, тем самым бросая вызов традиционным моральным и культурным границам.

Хотя существующие исследования сосредоточены в основном на литературных и культурных аспектах образа трикстера, языковое выражение этого феномена остается недостаточно изученным. Анализ языковых средств и речевых стратегий трикстера позволяет глубже понять, как через речь герой подчеркивает свою амбивалентность, манипулятивные качества и ироничность. Особенности речи трикстера раскрывают его двусмысленность и способность подрывать установленные социальные нормы, создавая уникальный дискурс.

В этом контексте интересно рассмотреть феномен трикстерства в речи Чичикова, главного героя произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души». Чичиков является ярким примером трикстера, использующего риторику и манеру общения для достижения своих целей и проявления противоречивой природы.

Основными методами исследования являются описательный (сбор языкового материала, классификация языковых средств объективации образа трикстера и интерпретация их особенностей реализации в речи Чичикова), количественный (выявление частотности использования в речи лексических, синтаксических и стилистических средств) методы и дискурсивный анализ (функционально-прагматическое изучение лингвистических явлений, речевых стратегий и тактик главного персонажа), которые позволяют выявить многослойность речевой практики Чичикова и способствуют более глубокому пониманию особенностей его поведения как трикстера в социуме.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы при чтении лекционных курсов и проведении практических семинаров по прагмалингвистике, стилистике, синтаксису и лексикологии русского языка в высших учебных заведениях, а также при подготовке к лекциям и коллоквиумам, связанным с проблематикой лингвистического феномена трикстерства.

Обсуждение и результаты

В настоящем исследовании речь Чичикова анализируется с точки зрения четырех основных аспектов: изобразительно-выразительных средств, эмоционально-оценочной лексики, типов предложений и прагматической неопределенности. Ниже мы рассмотрим, как эти элементы способствуют созданию образа Чичикова как трикстера.

Использование изобразительно-выразительных средств

Чичиков активно применяет в речи три основных изобразительно-выразительных средства: иронию, метафору и гиперболу. Анализ частотности их использования в репликах Чичикова позволил получить следующие данные: ирония – 28 случаев, метафора/сравнение и гипербола – по 13 случаев применения соответственно. Эти приемы не только делают его речь более выразительной, но и усиливают его многосторонность и способность манипулировать в рамках трикстерского образа. В ряде случаев Чичиков использует некоторые из этих средств одновременно, что усиливает перлокутивный эффект воздействия на собеседника.

Ирония в речи Чичикова используется с целью создания ситуации семантической неоднозначности благодаря кажущейся вежливости в общении и его истинному отношению к людям.

(1) *Эх, русский народец! не любит умирать своею смертью!?* (Гоголь, 2004).

(2) *Очень обходительный и приятный человек, и какой искусник! – Очень обходительный и приятный человек, – продолжал Чичиков, – и какой искусник! я даже никак не мог предполагать этого. Как хорошо вышивает разные домашние узоры! Он мне показывал своей работы кошелек: редкая дама может так искусно вышить* (Гоголь, 2004).

В примере (1) Чичиков с видимым сожалением делает общий комментарий о «русском народе», который, как может показаться, выражает его понимание народных тягот, но на деле содержит скрытую иронию. Слово *народец* умаляет значимость народа, обозначая его как что-то несущественное. За этим обидным обобщением скрывается пренебрежительное отношение Чичикова, которому чуждо сочувствие к судьбе людей. Его фраза выражает одновременно осуждение и отстраненность, что обнажает противоречивую натуру Чичикова, склонного к ироничному презрению и игре на масках. В примере (2) ирония достигается через кажущуюся похвалу. Чичиков восхищается умениями губернатора вышивать и «вежливостью» в общении, что на поверхностном уровне могло бы выражать признательность. Однако в действительности данная похвала является лишь формальностью и звучит насмешливо, поскольку Чичиков якобы ценит домашние «рукоделия» и женские навыки, не придавая им реальной значимости. Использование иронии в речи главного персонажа усиливает образ Чичикова как трикстера, умеющего манипулировать словами, выдавая едкие замечания за комплименты и оставляя свое подлинное отношение к людям, скрытым за маской учтивости.

В речи Чичикова метафоры и сравнения занимают важное место, служа имплицитным средством выражения эмоций и передачи мыслей. Обсуждая жизненные обстоятельства или поведение других, Чичиков часто прибегает к метафорам и сравнениям, чтобы завуалированно выразить свое разочарование в жизни и скептическое отношение к людским стремлениям.

(3) *Взмостился ли ты для большего прибытку под церковный купол, а может быть, и на крест потащился и, поскользнувшись, оттуда, с перекладыны, шлепнулся оземь...* (Гоголь, 2004).

(4) *Пропал бы, как волдырь на воде, без всякого следа, не оставивши потомков, не доставив будущим детям ни состояния, ни честного имени!* (Гоголь, 2004).

В примере (3) используются метафоры «церковный купол» и «крест», символизирующие стремление к более высокому социальному статусу или духовному спасению.

В примере (4) Чичиков выражает свое отвращение к бесславному, бесследному существованию через метафору «волдыря на воде». Этот образ передает его презрение к тем, кто не оставил в обществе ни имени, ни состояния, ни наследников. Гипербола используется Чичиковым для выражения гнева, недовольства и эмоционального усиления. Она придает его речи драматизм и демонстрирует его крайние взгляды на людей и события.

(5) *Убить ты меня собрался? а? зарезать меня хочешь? На большой дороге меня собрался зарезать, разбойник, чушка ты проклятый, страшилище морское!* (Гоголь, 2004).

(6) *Слышишь? непременно в два часа, а если не будет, так я тебя... в рог согну и узлом завяжу!* (Гоголь, 2004).

В контексте (5) Чичиков использует одновременно и гиперболу, и метафоры, чтобы выразить свое возмущение. Его преувеличенные вопросы о том, «не собирается ли Селифан его убить на большой дороге», создают драматический эффект, усиливая эмоциональную окраску ситуации. Чичиков также прибегает к метафорическим оскорблениям, называя Селифана «разбойником», «чушкой» и «морским страшилищем», что подчеркивает его раздражение и представляет слугу в образе угрожающего «врага».

В контексте (6) Чичиков произносит эту фразу в ответ на затягивание выезда, когда он с раздражением понимает, что его слуга Селифан не подготовил бричку вовремя.

Использование эмоционально-оценочной лексики

В «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило определяет эмоционально-оценочную лексику как «лексическую единицу, которая включает в себя элемент оценки... Слова с эмоциональной окраской могут включать разнообразные оттенки: иронический, неодобрительный, презрительный, ласкательный, торжественно-приподнятый и др.» (2010, с. 265). Можно сказать, в отличие от нейтральной лексики, эмоционально-оценочная лексика содержит оценочные элементы и эмоциональные оттенки значения.

Ниже представлены результаты исследования эмоционально-оценочной лексики, включая частотность использования анализируемых слов эмоционально-оценочной лексики и распределение эмоциональных оттенков в соответствии с той или иной коммуникативной ситуацией. Статистический анализ эмоционально-оценочной лексики позволяет глубже понять способы выражения Чичиковым эмоций в различных контекстах, а также его стратегию в социальных взаимодействиях как хитроумного персонажа.

Таблица 1 демонстрирует, что в речи Чичикова преобладает мелиоративная лексика, которая составляет 68,3% от общего числа используемых им эмоционально-оценочных слов. Это отражает ключевую стратегию манипуляций, применяемую героем для создания образа доброжелательного и высокоморального человека. Чичиков активно прибегает к выражениям с положительно-оценочным значением, таким как *приятный, добрый, счастье, восхищение, малютка*, чтобы укрепить доверие окружающих и продемонстрировать свое добродушие и обходительность. Особенно эта стратегия эффективна в его взаимодействии с влиятельными персонажами, такими как помещицы и губернаторы, где положительные характеристики служат не только для создания позитивного имиджа, но и для достижения личных выгод. Это позволяет ему скрывать свои истинные намерения и использовать социальные связи для реализации собственных целей, например в сомнительных сделках, таких как покупка мертвых душ.

Таблица 1. Частотность использования эмоционально-оценочной лексики в речи Чичикова

Категория эмоций	Количество слов	Доля (%)	Примеры
Положительные	69	68,3	приятный, добрый, обходительный, достойный, радость, счастье, блаженство, честь, восхищение, удовлетворение, милосердие, малютка, уважение, дружба, душенька, прекрасно, приятно, хорошо, хорошенко; удивительно, великолепно, искусно; полезно, радоваться, восхищаться, ценить, любить, уважать, благословлять...
Отрицательные	32	31,7	проклятый, пьян, глупый, ничтожный, фальшивый, рискованный, смешной, мошенник, дурак, подлец, страшилище, чушка, чурбан, убыток, черт, беда, народец, смерть, позор, прах, сомнения, хлопот, дрянь, плохо, убить, умирать, согнуть, завязать, затрудняться, бояться, ворочаться, запутаться

Пейоративная лексика у Чичикова встречается реже (31,7%), но в целом она служит для скрытого осуждения и иронии, особенно в ситуациях, когда он использует такие выражения, как *мошенник*, *глупый*, *проклятый*, что позволяет ему выразить презрение и недовольство. Отрицательные выражения также служат для создания дистанции и подчеркивания социальной и моральной иерархии, которую Чичиков пытается поддерживать в своем взаимодействии с окружающими. Однако, несмотря на использование таких слов, его манипулятивная природа остается скрытой за вежливостью и внешним обаянием, что делает его образ более многогранным и двусмысленным.

Таблица 2. Распределение эмоционально-оценочной лексики в речи Чичикова в соответствии с коммуникативной ситуацией

Ситуация	Частотность использования мелиоративной лексики (количество случаев употребления)	Частотность использования пейоративной лексики (количество случаев употребления)	Общая частотность использования лексики (количество случаев употребления)
Общение с другими людьми	58	10	68
Одиночество	11	22	33

Таблица 2 демонстрирует распределение эмоционально-оценочной лексики в речи Чичикова в зависимости от коммуникативной ситуации. В контексте общения с другими людьми Чичиков использует значительно больше мелиоративной лексики (58 случаев употребления) по сравнению с пейоративной (10 случаев употребления). Это соответствует его манипулятивной стратегии, направленной на создание образа доброжелательного, обходительного и высокоморального человека, что помогает ему достигать личных целей, особенно во взаимодействии с влиятельными персонажами. Высказывания с позитивной семантикой служат для укрепления доверия окружающих, что, в свою очередь, позволяет ему скрывать свои истинные намерения и стремления, поддерживая иллюзию благородства и добродушия.

В то время как в одиночестве, напротив, Чичиков использует больше выражений с отрицательно-оценочным значением (22 случая по сравнению с 11 случаями использования мелиоративной лексики), что подчеркивает его внутренние тревоги, недовольство и внутреннюю отчужденность. Когда он один, его эмоции становятся более выраженными, а негативные оттенки усиливаются, что отражает его глубокую неудовлетворенность собой и окружающим миром. В отсутствие внешнего давления и социальной маскировки Чичиков не ограничивает себя в выражении недовольства, что усиливает его эмоциональную отчужденность. Это также подтверждает, что его манипулятивная личность, как и его позитивный образ, строится на скрытности и внешней вежливости, обусловленными его речевыми стратегиями, в то время как в одиночестве проявляются его внутренние противоречия и недовольство.

Анализ типов предложений

Использование различных типов предложений позволяет Чичикову гибко адаптировать стиль общения и регулировать эмоциональный тон разговора. В Таблице 3 представлена частотность использования каждого типа предложений, что дает возможность более глубоко понять его речевые стратегии.

Таблица 3. Частотность использования типов предложений

Тип предложения	Частотность использования	Доля (%)
Повествовательное	98	59,04
Вопросительное	33	19,88
Восклицательное	19	11,45
Побудительное	16	9,64

(7) *Очень не дрянь, сказал Чичиков, пожав ему руку. Здесь был испущен очень глубокий вздох. Казалось, он был настроен к сердечным излияниям; не без чувства и выражения произнес он наконец следующие слова: – Если б вы знали,*

какую услугу оказали сей, по-видимому, дрянью человеку без племени и роду! Да и действительно, чего не потерпел я? как барка какая-нибудь среди свирепых волн... Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что? за то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной, и сироте-горемыке!.. – Тут даже он отер платком выкатившуюся слезу (Гоголь, 2004).

(8) *Прощайте, миленькие малютки!* – сказал Чичиков, увидевши Алкида и Фемистоклюса, которые занимались каким-то деревянным гусаром, у которого уже не было ни руки, ни носа. – *Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привез вам гостинца, потому что, признаюсь, не знал даже, живете ли вы на свете; но теперь, как приеду, непременно привезу. Тебе привезу саблю; хочешь саблю?* (Гоголь, 2004).

(9) *Ну так зачем же тогда не сказал, а? <...> А вот теперь ступай приведи кузнеца, да чтоб в два часа все было сделано* (Гоголь, 2004).

Утвердительные предложения (59,04%) составляют наибольшую долю высказываний Чичикова, что подчеркивает повествовательный стиль его речи и рациональное выражение, делая речь главного героя вежливой и содержательной. Это внешнее благоразумие, которое контрастирует с его реальными поступками, добавляет противоречивости его характеру. Например, в примере (7) утверждение *Очень не дрянь*, с одной стороны, выражает согласие с мнением собеседника, а с другой – следует серия эмоциональных описаний его собственных «страданий». Этот прием не только раскрывает лицемерие Чичикова, но и показывает его хитрость и умение манипулировать чужими чувствами.

Использование вопросительных предложений (19,88%) в речи главного героя произведения предоставляет ему больше выбора для использования в речи, что демонстрирует стремление Чичикова прощупывать и манипулировать собеседником. Например, в примере (7) он использует серию риторических вопросов *Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что?*, усиливая образ своей мученической натуры. Эти вопросы не только выражают его жалость к самому себе, но и умело отвлекают внимание собеседника от истинных намерений, добавляя его образу сложности и многогранности.

Восклицательные предложения (11,45%) позволяют Чичикову выразить чрезмерные эмоции в конкретных ситуациях, усиливая его экспрессивность и неординарность. Например, восклицание в примере (8) *Прощайте, миленькие малютки!*, казалось бы, отражает искреннюю заботу главного героя, однако, на деле это лишь демонстрация видимости теплоты. Такой преувеличенный способ выражения придает его образу театральности, подчеркивая умение вызывать доверие у других за счет эмоциональной игры, что характерно для трикстера.

Повелительные предложения (9,64%) раскрывают манипулятивный стиль речи Чичикова. Например, в примере (9) повелительное предложение одновременно отражает склонность Чичикова требовать от других действий под давлением и выражает его нетерпение, демонстрируя деспотичность и авторитарность главного героя. Он чередует вопросы и приказы, усиливая давление в своей речи, не оставляя собеседнику возможности возразить и вынуждая его пассивно принять задание. Такой контроль в речи подчеркивает манипулятивность Чичикова, позволяя ему занимать доминирующую позицию в ситуации и подчеркивая его власть и контроль над другими.

Благодаря гибкому использованию этих типов предложений Чичиков непрерывно меняет стиль общения, добиваясь манипуляции эмоциями и направлением беседы, что подчеркивает его ловкость и многоликость в роли трикстера.

Стратегия прагматической неопределенности

Категория неопределенности является одной из ключевых тем в лингвистических исследованиях, поскольку отражает как семантические, так и прагматические аспекты речевого поведения. Современные исследования показывают, что неопределенность выполняет важную роль в коммуникации, добавляя высказыванию субъективные оценки и предполагая неполное или гипотетическое знание говорящего об обозначаемом предмете. В. В. Гуревич (1998) подчеркивает, что прагматический компонент неопределенности делает ее значимой для речевого взаимодействия, особенно при выражении субъективных оценок. Согласно У. Чейфу (1982), неопределенность не столько передает конкретное содержание, сколько способ его представления, акцентируя способность слушающего к интерпретации контекста. Н. Д. Арутюнова (2007) рассматривает неопределенность как часть «свободной грамматики», что делает ее необязательной, но при этом значимой для создания коммуникативного эффекта. Это проявляется в устной и письменной речи, где неопределенность способствует выражению мнений и суждений, имеющих условный характер.

Чичиков прибегает к ряду тактических приемов, реализующих стратегию прагматической неопределенности, скрывая истинные намерения и занимая более выгодное положение в социальном взаимодействии и сделках. Ниже представлены конкретные примеры использования данных прагматических тактик.

Тактика намека

В процессе покупки «мертвых душ» Чичиков искусно использует двусмысленные выражения для выражения своих потребностей, лишь намекая на покупку. Например, вместо того чтобы прямо заявить о своем желании купить «мертвые души», он говорит «уступить их мне», избегая прямолинейности и затрудняя собеседнику возможность прямо отказаться, что снижает вероятность конфликта или критики. Посредством этой стратегии Чичиков не только скрывает свои истинные намерения, но и создает неопределенность, которая облегчает процесс убеждения собеседника. Так, когда Собакевич задал ему вопрос о причине интереса к «мертвым душам», Чичиков уклончиво отвечает: «По наклонности собственных мыслей». Эти расплывчатые объяснения затрудняют понимание его реальных целей, ослабляя бдительность собеседника и предоставляя Чичикову больше возможностей для маневра в сделке.

Тактика формализации в речи

Чичиков также прибегает к абстрактной лексике и определенным формам выражения, чтобы не раскрывать деталей своих планов. Например, он использует такие фразы и словосочетания, как «живые относительно законной формы», «небольшая формальность» и «совсем ничего не значащий прах». Применение тактики формализации в речи делает его мотивы неясными, что затрудняет понимание, есть ли у него скрытые намерения, и тем самым скрывает его деловые цели, снижая уровень критики и настороженности со стороны собеседников.

Тактика снижения определенности в речи

Чичиков также использует неопределенные выражения в отношении количества и времени, чтобы скрыть конкретные потребности и добавить некий элемент неопределенности. Например, когда его спрашивают о нужном количестве «мертвых душ», он отвечает приблизительно, используя выражения вроде «душ восемьдесят» или «целых почти полутораста», не называя точное число. Такая неопределенность придает его речевым стратегиям гибкости и позволяет избегать излишнего внимания к его подлинным намерениям. В вопросах о времени он также использует тактику снижения определенности в речи, предпочитая расплывчатые формулировки вроде «когда-нибудь», «до скорого» или «до тех пор», чтобы собеседники не могли точно понять его планы. Эти неопределенные выражения количества и времени помогают Чичикову удерживать контроль над информацией, действовать более свободно и снижать риск разоблачения его истинных намерений.

Использование хеджей

Чичиков в своей речи активно использует различные хеджи. Под стратегией применения хеджей (хеджированием) понимается лингвопрагматическое воздействие на адресата, направленное на уменьшение иллокутивной силы высказывания (от англ. “hedge” – «уклонение от прямого ответа, страховка»), – элемент «осторожной» модальности и компонент силы высказывания: хеджи делают речь менее определенной, частично освобождают говорящего от ответственности за содержание и смягчают категоричность утверждений (Костина, 2022, с. 80). Так, в произведении «Мертвые души» часто встречаются в речи главного героя такие хеджи, как «вроде», «может быть», «как бы» и «кажется», чтобы придать своим словам неопределенность и создать иллюзию честности и простоты. Эти расплывчатые выражения помогают ему избежать прямых ответов и уклониться от конкретных утверждений, позволяя собеседникам додумывать его мотивы самостоятельно. Благодаря хеджам Чичиков сохраняет свободу действий и способность маневрировать в общении, ускользая от ненужного внимания и критики.

Тактика «ложной скромности» и сохранения конфиденциальности

Когда Чичиков говорит о себе, он намеренно размывает свой статус и происхождение, умело создавая образ незначительного человека. Например, он часто использует такие выражения, как «не значащий червь мира сего», чтобы подчеркнуть свою кажущуюся ничтожность, словно нарочно стараясь не привлекать излишнего внимания. Кроме того, он описывает себя только как «дворянин», избегая упоминания о своем семейном или социальном положении. Даже когда собеседники задают прямые вопросы, он отвечает лишь короткой фразой «служил по статской», не вдаваясь в детали. Такая неопределенность не только позволяет ему казаться скромным и вызывать симпатию, но и характеризует его истинные намерения как труднодоступные для понимания. Благодаря этому тактическому размыванию личности Чичиков сохраняет свободу маневра в различных социальных ситуациях, извлекая выгоду, не раскрывая своих подлинных целей и поддерживая высокий уровень гибкости и скрытности.

Эти приемы помогают ему скрывать свои истинные намерения, снижать настороженность собеседников и маневрировать между их ожиданиями и своими скрытыми целями. Он избегает точных определений и конкретики, что позволяет ему действовать гибко и оставляет простор для манипуляций, не вызывая прямых подозрений. Чичиков как трикстер виртуозно балансирует между правдой и ложью, скромностью и скрытностью, создавая иллюзию искренности, но при этом сохраняя значительный контроль над ситуацией и социальными взаимодействиями.

Следует отметить, что языковые особенности Чичикова в полной мере раскрывают сложную многослойность его образа как трикстера. Внешне он проявляет себя как вежливый, мягкий и даже привлекательный собеседник, создавая впечатление безобидного участника социальных взаимодействий. Однако в реальном общении его речь наполнена скрытой иронией и тонкими манипуляциями. Благодаря гибкому использованию иронии, метафор и гипербол, Чичиков, ведя беседу, балансирует между внешней искренностью и внутренней критичностью, умело скрывая свое подлинное отношение к собеседникам и одновременно завоевывая их доверие, что позволяет ему сохранять психологическое преимущество в сложных социальных ситуациях.

Кроме того, сочетание эмоционально-оценочной лексики и синтаксических особенностей речи Чичикова усиливает его хитроумие. Уместное использование мелиоративной эмоциональной лексики позволяет ему сблизиться с собеседником в ключевых моментах и установить доверие, тогда как пейоративная эмоциональная лексика демонстрирует скрытую критику и недовольство, которые трудно подавить в процессе стратегического расположения к себе. Таким образом, за его «привлекательной» стороной сохраняется холодная отстраненность. С точки зрения синтаксиса речь главного героя характеризуется разнообразием типов предложений, позволяющим Чичикову контролировать ритм разговора и направлять мысли собеседников в нужное ему русло, усиливая свою ведущую роль в общении.

Заключение

Проведенный анализ лексических, синтаксических и стилистических средств объективации образа трикстера в речи Чичикова позволил сделать следующие выводы:

1. Проведенный анализ реплик Чичикова позволил зафиксировать частотность использования вариативных типов предложений в зависимости от его коммуникативных намерений (59,04% высказываний составляют утвердительные предложения, 19,88% – вопросительные, 11,45% – восклицательные и 9,64% – повелительные предложения), а также описать наиболее частотные стилистические средства создания образа трикстера в речи главного персонажа – иронию, метафоры и гиперболы.

2. В ходе уточнения распределения эмоциональных оттенков в речи трикстера было установлено превалирование мелиоративной лексики (68,3%) по отношению к применению пейоративных лексических единиц (31,7%), что отражает ведущую речевую стратегию Чичикова – манипулирование, применяемое для создания образа благожелательного человека с высокими моральными устоями. Употребление пейоративной лексики в речи главного героя объясняется его намерением дистанцирования и акцентуации социальной и морально-этической иерархии во взаимодействии с окружением.

3. Были выявлены ключевые стратегии и тактические приемы Чичикова, направленные на манипулирование собеседником, раскрывающие противоречивый и сложный характер взаимоотношений: стратегия прагматической неопределенности, тактика намека, тактика формализации в речи, тактика снижения определенности, использование хеджей, тактика «ложной скромности» и сохранения конфиденциальности. Данные прагматические стратегии и тактики, используемые Чичиковым, делают его истинные намерения еще более трудноуловимыми и манипулятивными, что позволяет главному герою ускользать от прямых ответов и конкретики, оставляя пространство для свободной интерпретации со стороны собеседников. Подобное речевое поведение Чичикова направлено на сохранение инициативы и контролирование диалога, а также ослабление бдительности окружающих, что создает в итоге образ гибкого и в то же время скрытного манипулятора. В совокупности такие речевые особенности раскрывают недоверие Чичикова к окружающим и его внутреннюю дистанцированность от общества, что добавляет его трикстерскому образу еще больше иронии и противоречивости.

В качестве перспектив исследования заявленной проблематики следует отметить выявление языковых средств и систематизированное описание прагматических стратегий и тактик в речи трикстера на примере другого типа дискурса – политического, что позволит создать концептуальную базу для дальнейшего изучения языковых средств и речевых стратегий трикстера.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: ЛКИ, 2007.
2. Васильев Д. Н. Функции архетипа трикстера в повестях Ф. М. Достоевского «Двойник», «Хозяйка» и «Записки из подполья»: автореф. ... к. филол. н. СПб., 2021.
3. Гаврилов Д. А. Трикстер в период социокультурных преобразований: Диоген, Уленшпигель, Насреддин // Experimentum-2005: сборник научных статей философского факультета МГУ / под ред. Е. Н. Мощелкова. М.: Социально-политическая мысль, 2006.
4. Гуревич В. В. О семантике неопределенности // Филологические науки. 1998. № 1.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 5-е, испр-е и доп. Назрань: Пилигрим, 2010.
6. Ковтун Н. В. Трикстер как герой нашего времени (на материале русской прозы второй половины XX – XXI века). М. – Красноярск: Флинта; КГПУ им. В. П. Астафьева, 2022.
7. Костина Е. Д. Стратегии «осторожности» в спонтанных монологах: психолингвистический аспект // Социо- и психолингвистические исследования. 2022. № 10.
8. Кузнецов А. С. Архетип трикстера в публицистике и художественной прозе Г. Грасса: дисс. ... к. филол. н. М., 2021.
9. Липовецкий М. Н. Трикстер и «закрытое общество» // Новое литературное обозрение. 2009. № 100.
10. Серостанова О. Б. Влияние трикстерского поведения в медиапространстве на динамику культурных индустрий // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19. № 3.
11. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике: сборник научных статей. 1982. Вып. II.
12. Чекулай И. В., Кучмистый В. А., Шустов Д. В., Прохоров Н. А. Лингвокультурный типаж «трикстер» как часть исследования феномена языковой личности // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42. № 3.
13. Шахова И. А. Трикстеры как фактор социальной трансформации общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8.
14. Юнг К. Г. Психологии образа Трикстера // Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. К.: Гос. библиотека Украины для юношества, 1996.
15. Hyde L. Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art. N. Y.: Farrar; Strauss and Giroux, 1998.
16. Hynes W. J., Doty W. J. Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticism. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1993.

Информация об авторах | Author information**RU**Сунь Сяоли¹, к. филол. н.Кулькова Мария Александровна², д. филол. н., проф.¹ Юго-Восточный университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика² Казанский федеральный университет**EN**Xiaoli Sun¹, PhDMariya Alexandrovna Kulkova², Dr¹ Southeastern University, Nanjing, The People's Republic of China² Kazan Federal University¹ sunxiaoli_smile@163.com, ² mkulkowa@rambler.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 12.01.2025; опубликовано online (published online): 28.02.2025.

Ключевые слова (keywords): языковые средства репрезентации образа трикстера; речевые стратегии и тактики трикстера; лингвистический феномен трикстерства; художественный дискурс; речь Чичикова; linguistic means of representing the image of the trickster; speech strategies and tactics of the trickster; linguistic phenomenon of tricksterism; artistic discourse; Chichikov's speech.